

Священник Александр Мазырин

Сравнительная характеристика обновленческого и григорианского расколов 1920–1940-х годов

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10035

Аннотация: Статья посвящена сравнению двух наиболее значительных расколов в Русской Православной Церкви первой половины XX века — обновленческого и григорианского. Сопоставляются причины и механизмы возникновения этих расколов, цели советской власти, стоявшей за их появлением, характеристики ведущих раскольничьих деятелей. Оцениваются масштабы двух расколов, их последствия. Выявляются как существенные сходства двух расколов, из-за чего в народе «григорианство» именовалось «обновлением № 2», так и их различия. Канонически оба новообразования не могут быть квалифицированы иначе, как расколы, но обновленцы пошли на более радикальный разрыв с законным священноначалием Русской Православной Церкви в лице Патриарха Тихона, усугубив это такими антиканоническими действиями, как введение женатого «епископата», разрешение второбрачия духовенства и т. п. В моральном же отношении обновленцы, чьей главной задачей стала «борьба с церковной контрреволюцией» (т. е. доносительство), явили заметно более неприглядную картину, чем григориане, руководство которых в конце 1930-х гг. было практически полностью истреблено органами НКВД.

Ключевые слова: История Русской Православной Церкви, церковные расколы, обновленчество, «Живая Церковь», григорианский раскол, ВВЦС, «тихоновцы».

Об авторе: священник Александр Владимирович Мазырин

Доктор церковной истории, кандидат исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

E-mail: am@pstbi.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745>

Ссылка на статью: Мазырин А. В., священник. Сравнительная характеристика обновленческого и григорианского расколов 1920–1940-х годов // Христианское чтение. 2020. № 2. С. 178–186.

Финансирование: Публикация подготовлена в рамках проекта «Высшее управление в Русской Православной Церкви в 1920–1930-е гг.: проблемы канонического и практического преемства» при поддержке Фонда развития ПСТГУ.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2020

Priest Alexander Mazyrin

Comparative Characteristics of the Renovatist and Gregorian Schisms of the 1920s – 1940s

DOI: 10.24411/1814-5574-2020-10035

Abstract: The article is devoted to the comparison of the two most significant schisms in the Russian Orthodox Church of the first half of the twentieth century – the Renovatist and the Gregorian ones. Compared are the causes and mechanisms of these schisms, the goals of the Soviet power behind their appearance, and the characteristics of the leading schismatic figures. The scale of the two schisms and their consequences are estimated. The essential similarities of the two schisms are revealed, which is why «gregorianism» was called «renewal No. 2» by the people, as well as their differences. Canonically both new movements cannot be classified only as a schism, but the renovatists went on a more radical break with the lawful hierarchy of the Russian Orthodox Church in the person of Patriarch Tikhon, compounding is anticononically such actions as the accepting of married «bishops», the resolution of second marriage clergy, etc. From the moral point of view the renovatists, whose main task was «the struggle with the Church and the counterrevolution» (i. e., whistleblowing), showed considerably more ugly picture than the Gregorians, whose leaders in the late 1930s were almost completely killed by the NKVD.

Keywords: History of the Russian Orthodox Church, Church schisms, Renovatism, «Living Church», Gregorian schism, Temporary high Church Council, «tikhonites».

About the author: **Priest Alexander Vladimirovich Mazyrin**

Doctor of Church History, Candidate of Historical Sciences, Professor of St. Tikhon Orthodox Humanitarian University (Moscow).

E-mail: am@pstbi.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6490-9745>

Article link: Mazyrin A. A., priest. Comparative Characteristics of the Renovatist and Gregorian Schisms of the 1920s – 1940s. *Khristsianskoye Chteniye*, 2020, no. 2, pp. 178–186.

Financing: The article was prepared in the framework of the project “Higher management in the Russian Orthodox Church in the 1920s and 1930s: problems of canonical and practical succession” with the support of the Fund for development of St. Tikhon’s Orthodox University.

Одной из форм борьбы советской власти с Русской Православной Церковью в межвоенный период было активное провоцирование в ней всевозможных внутренних разделений. Крупнейшими из них оказались так называемые обновленческий и григорианский расколы. Как правило, и в официальных документах Московского Патриархата, и в церковной публицистике, и в научной историографии эти расколы рассматриваются в одном ряду. Так, например, священномученик митр. Кирилл (Смирнов) именовал григорианство «обновленчеством второго призыва» (Авво, 2014, 126). Не подвергая сомнению правомерность такого уподобления в целом, стоит, однако, провести более детальное сравнение генезиса, существа и проявлений двух расколов, чтобы точнее определить их сходства и различия.

Сами обновленцы приписывали себе весьма благородную генеалогию, усматривая свои корни в прогрессивном церковном движении начала XX в., поддержанном митрополитом Санкт-Петербургским Антонием (Вадковским) (Белков, 1922, 10), или даже вовсе возводя ее к славянофилам середины XIX в. (Титлинов, 1923, 42). Действительно, сам термин «обновленцы» для обозначения сторонников церковных реформ появился в годы первой русской революции. По всей видимости, он стал калькой с названия бывших тогда на слуху «мирнообновленцев» — приверженцев думской Партии мирного обновления¹. Однако более убедительным, чем заявления игравших словами обновленческих идеологов, представляется мнение современного церковного историка А. Г. Кравецкого, согласно которому «церковная полемика начала века завершилась Поместным Собором 1917–1918 гг. Именно Собор, а не маргинальные церковные группы 20-х годов следует считать прямым наследником этих дискуссий» [Кравецкий, 2000, 51].

Обновленческий раскол стал порождением не столько церковного модернизма, сколько церковного большевизма — явления, вызванного установлением в России, по сути дела, богоборческой власти, к которой некоторые служители Церкви поспешили приспособиться. Поддержку этим приспособленцам довольно быстро стали оказывать чекисты. В циркуляре ВЧК от 1 июля 1919 г. отмечалось сильное политическое расслоение среди священнослужителей, вплоть до появления групп, сочувствующих большевизму. В связи с этим губернским чрезвычайным комиссиям давалась директива: «Ввиду близости духовенства к народу и исторической коренной связи с ним, необходимо всеми мерами способствовать привлечению сочувствующих большевизму священнослужителей (священников и дьяконов) к совместной работе с советскими властями на местах, образуя, по возможности, губернские и уездные ячейки сочувствующих большевизму духовных лиц...» [Крапивин, 2013, 275].

В марте 1922 г. чекистский подход воспринял Л. Д. Троцкий, благодаря чему раскол получил уже всероссийский масштаб. Он предложил Политбюро «повалить контрреволюционную часть церковников, в руках коих фактическое управление церковью», опираясь на так называемое сменовеховское, то есть готовое к сотрудничеству с богоборческой властью духовенство. При этом, как писал Троцкий, «сменовеховское духовенство надлежит рассматривать как опаснейшего врага завтрашнего дня» (Архивы Кремля, 1997, 162–163). Удар по нему планировалось нанести уже после разгрома «церковных черносотенцев», то есть Патриаршей Церкви, возглавляемой святителем Тихоном. Политбюро одобрило этот циничный план, результатом чего и стало появление обновленческого раскола.

¹ Так, А. В. Карташев в одной из публицистических статей того времени писал: «Партия „обновленцев“ представляет теперь хаотический блок всех групп церковного общества, мечтающих о реформе Церкви и ни на минуту не сомневающих в ее близкой возможности... Это движение политическое по существу и сословно-бытовое по объекту своего приложения. Свои девизы оно черпает из катехизиса умеренных партий русской оппозиции (недаром это совпадение в названии: „обновленцы“!).» Далее Карташев, стоявший тогда на позициях так называемого неохристианства, критиковал «обновленцев» за недостаточный радикализм и неспособность к рождению *грандиозной ереси* — «нового жизнелюбивого, могущего слиться с культурой и историей, христианского исповедания» (Карташев, 1906).

Во главе раскола стала группа заранее подобранных лиц. После насильственной изоляции Патриарха Тихона эта группа объявила себя «Высшим Церковным Управлением» (ВЦУ) и была признана в таком качестве государством. По партийным каналам транслировались указания о негласной поддержке обновленцев: «Собрания и съезды разрешать беспрепятственно только обновленческому духовенству и только обновленческим мирянам. Сторонникам патриарха Тихона не разрешать ни собраний, ни съездов. Арестовывать и предавать суду. Необходимо сбросить со всех командных постов всех сторонников Тихона, противников обновленческого движения» [Тригуб, 2009, 271].

Ставка делалась на полную ликвидацию «тихоновщины», а обновленцам отводилась роль «борцов с церковной контрреволюцией» или, говоря не очень академично, иуд-предателей, спасавших себя от репрессий посредством непрерывного доноительства на своих собратьев и выдачу их на расправу богоборческой власти. Обновленцы от этой позорной роли не отказывались. Даже в уставах «Живой Церкви» в числе важнейших задач группы были прописаны «борьба с контрреволюционными элементами в церкви» (Устав, Москва, 1922) и «ликвидация контрреволюционных элементов в церкви, независимо от того, под каким флагом бы они не выступали» (Устав, Киев, 1922).

«Григориане», в отличие от обновленцев, не приписывали себе какой-то особой генеалогии, даже маркирующего самоназвания у них не было. Сами они обычно технически обозначали себя по наименованию их органа управления «сторонниками ВВЦС» («Высшего Временного Церковного Совета»). «Григорианами», или «григорьевцами», их называли их церковные оппоненты — по имени первого председателя ВВЦС архиеп. Григория (Яцковского).

Что же касается практического механизма возникновения григорианского раскола, то он в значительной степени повторял обновленческий образец, хотя таким повышенным вниманием, как «сменовеховское духовенство» в 1922 г., Политбюро «григориан» в 1925 г. не удостоило (Троцкий в нем уже былой роли не играл, да и в целом политическая обстановка в стране ощутимо менялась). «Церковная» политика, по большей части, тогда была передана в руки ОГПУ. Точнее, за ее координацию отвечала Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б), председателем которой состоял Е. М. Ярославский, но реально главным действующим лицом в АРК был ее бессменный секретарь — начальник 6-го отделения Секретного отдела ОГПУ.

Так же, как и в 1922 г., новое раскольническое ядро в 1925 г. стало подбираться заранее. Первоначально ведущую роль в нем играл московский викарный епископ Борис (Рукин), по имени которого раскол еще иногда именовался «борисовщиной». Сам еп. Борис в своих свидетельских показаниях по делу патриаршего местоблюстителя митр. Петра (Полянского) раскрыл, кому принадлежала инициатива начать переговоры о легализации и на каких условиях: «В мае м[еся]це [1925 г.] мне было предложено неким Полянским образовать инициативную группу „Защиты Православия“ и подать соответствующее ходатайство во ВЦИК». Упомянутый И. В. Полянский — будущий преемник Е. А. Тучкова. Епископ Борис несколько искажил его предложение и был поправлен допрашивающим: не просто «Защита Православия», а «Защита Православия от политиканства» (ЦА ФСБ. Д. Н-3677. Т. 4. Л. 24).

Под «политиканством» подразумевался отказ митр. Петра (а до него — Патриарха Тихона) превратить управление Патриаршей Церкви в орудие политической борьбы ОГПУ с противниками советской власти. Епископ Борис попытался было летом 1925 г. развернуть агитацию против митр. Петра, но встретил такое неприятие православного народа, что должен был на время «уйти в тень». Тогда-то на роль руководителя и был выдвинут досрочно освобожденный из тюрьмы архиеп. Григорий.

В наибольшей мере сходство между двумя расколами проявилось в момент их организационного оформления. Одинаковым образом таковое последовало после ареста канонического предстоятеля Православной Российской Церкви: в 1922 г. — Патриарха Тихона, в 1925 г. — митр. Петра. И в том и в другом случае на свет появлялось

самочинное церковное управление — ВЦУ или ВВЦС, которое быстро регистрировалось (хотя бы как временное) государственной властью и начинало требовать от Церкви подчинения себе. Именно склонность к коллаборационизму с враждебным Церкви государством в наибольшей мере роднила григориан с обновленцами.

При этом возникновение ВВЦС для органов госбезопасности стало своего рода «работой над ошибками», допущенными ранее при учреждении обновленческого ВЦУ. В 1922 г. сами чекисты в донесениях партийно-советскому руководству были вынуждены характеризовать обновленцев как «последний сброд, не имеющий авторитета среди верующей массы» (Совершенно секретно, 2001, 217). Для руководства новым расколом власть попыталась привлечь деятелей, имевших авторитет в церковных кругах. Архиеп. Григорий, проведенный три года в заключении, в момент освобождения воспринимался православными как исповедник, да и еп. Борис до лета 1925 г. был довольно популярной фигурой в православной Москве.

Если обновленцы сразу дискредитировали себя заявлениями о противных церковному сознанию реформах (вплоть до изменения вероучения) и грубым нарушением канонов (введением женатого «епископата», разрешением второбрачия духовенства и т. п.), то григориане изначально подчеркивали, что будут «крепко стоять на основе Слова Божия и священных канонов Святой Православной Церкви» (Яцковский, 1926, 5). «Необходимо для ясности отметить, — заявлял архиеп. Григорий со страниц „Известий ВЦИК“, — что мы не имеем ничего общего с так называемым священным синодом обновленцев... и другими отщепенцами, оставаясь на строго традиционной почве» (Среди церковников, 1926). Подобные заявления, однако, не производили большого впечатления на верующих. В итоге, как ни старался ВВЦС отмежеваться от обновленчества, в народе новый раскол окрестили «обновлением № 2» (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307. Л. 557).

«Генетическую близость» григориан к себе сразу почувствовали и сами обновленцы, недоумевавшие, почему ВВЦС столь упорно не желает признать, что движется по уже проторенному пути. Тем, кто сам не мог догадаться, они разъясняли единство сценариев событий мая 1922-го и декабря 1925-го. «А каким методом действуют тихоновские архиереи, утекающие с тонущего корабля патриаршества? — вопрошалось в редакционной статье главного печатного органа обновленцев, имевшей выразительное название „Переворот в тихоновщине“. — Тем же самым, каким действовали церковные деятели 1922 года. Они образуют инициативную группу, сначала — уговаривают — безрезультатно — „местоблюстителя“, потом созывают съезд и выбирают временное управление — до собора. Точная копия того, что было 4 года тому назад» (Переворот, 1926).

Важным отличием ситуаций, однако, было то, что если в 1922 г. власть ставила перед собой задачу ликвидации «тихоновщины», то в 1925 г. готова была довольствоваться лишь расколом среди «тихоновцев». Это означало, что, в отличие от 1922 г., православные противники новоявленной группы, самочинно претендующей на возглавление Церкви, не будут подвергаться поголовным репрессиям. Установки на их поголовные аресты не было. В 1922 г. заместитель Патриарха митр. Агафангел (Преображенский) после отказа сотрудничать с обновленцами был выслан в Сибирь, а заместителю местоблюстителя митр. Сергию (Страгородскому) в 1925 г. власть позволила не только приступить к исполнению своих обязанностей, но и организовать решительный и весьма эффективный отпор григорианам. Конечно, о полном нейтралитете советского государства в церковных делах речи быть не могло (так, митр. Сергию, связанному подпиской о невыезде, приходилось тогда управлять Церковью не из Москвы, а из Нижнего Новгорода, что было неудобно), но такой близости с органами власти, как обновленцы, григориане не имели никогда.

Если в 1922–1923 гг. редкий православный клирик не испытал той или иной формы давления, направленного на соращение его в обновленческий раскол, то в случае с григорианами такого тотального прессинга в отношении «тихоновского» духовенства не было. Следствием этого стало то, что у сторонников ВВЦС не оказалось такой

«скамейки запасных», какой располагали обновленцы. Те уже в начале июня 1922 г. приступили к формированию собственной иерархии, причем если первые хиротонии были совершены ими над лицами, не связанными браком (но без принятия ими монашеского пострига), то затем в их среде стали массово появляться женатые «архиереи». Всего только за 1922–1923 гг. обновленцами было поставлено, по подсчетам прот. В. Лавринова, 132 новых «епископа», из которых 52 состояли в браке [Лавринов, 2016, 17]. Для сравнения: григорианами за весь период существования раскола, по подсчетам того же автора, было совершено всего 22 архиерейские хиротонии [Лавринов, 2018, 155] (без женатых ставленников).

Если попытаться оценить масштабы двух расколов в целом, то, по данным, приводимым М. В. Шкаровским, «к концу 1922 г. при активной поддержке государства обновленцы... смогли занять две трети из 30 тысяч действовавших в то время церквей» [Шкаровский, 2000, 83]. Можно предположить, что к июню 1923 г. (моменту освобождения Патриарха Тихона) число обновленческих церквей еще более увеличилось, но затем стало резко падать, как в абсолютных показателях, так и в процентном соотношении. Так, по данным самих обновленцев (есть подозрение, что изрядно завышенным), на 1 октября 1925 г. в их ведении состояло 12593 церкви (в том числе 3000 на Украине) (Православная церковь, 1926). Что же касается григориан, то, по оценке прот. В. Лавринова, «их максимальное число доходило до 2000, что составляло 6–7% от общего числа староцерковнических приходов [Лавринов, 2018, 156]. Иными словами, «успехи» обновленцев на пике их распространения были на порядок выше, чем у григориан.

По-разному повели себя обновленцы и григориане и в отношении к предстоятелям Русской Церкви. Первые уже в августе 1922 г. на съезде «Живой Церкви» заявили о необходимости лишить сана Патриарха Тихона «как главного виновника современной церковной разрухи» и немедленно прекратить поминовение его имени за богослужением (Первый съезд, 1922). Во исполнение этого решения раскольническое ВЦУ утвердило следующую формулу поминовения на ектениях: «Вселенские православные патриархи и высшее Церковное Управление, преосвященные епископы, честное пресвитерство, во Христе диаконство, о всем причте и людях» (Постановления, 1922; Из распоряжений, 1922–1923). В мае 1923 г. на своем первом лжесоборе обновленцы постановили: «Так как патр[иарх] Тихон, вместо подлинного служения Христу, служил контрреволюции и этим, как лицо, которое должно правильно вести всю церковную жизнь, ввел в заблуждение широкие церковные массы, за что Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви, на основании церковных канонов сим объявляет его лишенным сана и монашества и возвращенным в первобытное мирское положение. Отныне патриарх Тихон — мирянин Василий Белавин... Осуждая б[ывшего] патриарха Тихона как вождя не церковного, а контрреволюционного, Собор признает, что и самое восстановление патриаршества было актом определенно политическим, контрреволюционным» (Постановление, 1928).

Григориане в угоду власти в декабре 1925 г. тоже попытались было набросить тень на арестованного патриаршего местоблюстителя и написали про него в своем первом послании: «Неугодно было Господу успехом благословить труды сего святителя. За время правления его нестроения и бедствия Святой Церкви лишь усугубились. Лишенная на пути своих испытаний руководство Святейшего Патриарха Тихона, не правимая соборне, ведомая лишь лично волею митрополита Петра, она как бы вернулась к самым темным временам своего бытия. Вся воля Св. Церкви как бы затмилась единою человеческою волею» (Яцковский, 1926, 4). Но одновременно с этим учредители ВВЦС во всеуслышание декларировали, что «Временный Высший Церковный Совет... находится в каноническом и молитвенном общении с Патриаршим Местоблюстителем» (Яцковский, 1926, 7). Поминовения за богослужением митр. Петра григориане затем не отменяли долгие годы, стараясь не уступать в этом митр. Сергию.

При этом и обновленцы, и григориане пытались апеллировать к так называемым Вселенским патриархам, но первые здесь преуспели значительно больше.

Обновленцы в 1920-е гг. имели с Фанаром не только протокольное общение, но и евхаристическое (через официального представителя Константинопольской Патриархии в Москве архим. Василия (Димопуло), состоявшего почетным членом лжесинода раскольников и регулярно им сослужившего). Григориане же «удостоились» от фанариотов только обмена приветственными телеграммами [Мазырин, Кострюков, 2017].

По мере ужесточения репрессий в 1930-е гг. григориане испытали их на себе сильнее, чем обновленцы. Уже в 1931 г. был арестован и умер в тюрьме один из «столпов» ВВЦС Борис (Рукин), титуловавшийся к тому времени в расколе «митрополитом Московским». Арестован он, правда, был не по религиозным и даже не по политическим мотивам, а за попытку дать взятку инструктору Мособлисполкома (впрочем, по ходу дела возникло обвинение и по печально знаменитой 58-й статье) [Мазырин, 2014].

В период «большого террора» 1937–1938 гг. его главный проводник нарком НКВД Н. И. Ежов уже не видел особой разницы между «тихоновцами», обновленцами и «григорьевцами». По его мнению, «существовавшие ранее грани между этими различными толками церковников и сектантов фактически более не существуют и поддерживаются руководящими церковниками и сектантами лишь формально, по тактическим соображениям» [Хаустов, Самуэльсон, 2010, 408]. Жестоким репрессиям подверглись все течения «церковников». Однако если посмотреть на судьбу высшего церковного руководства, наиболее печальной оказалась судьба лидеров григориан. Глава Московской Патриархии митр. Сергей (Страгородский), а также занимавший к 1937 г. вторую позицию в составе ее иерархии митр. Ленинградский Алексей (Симанский) уцелели, равно как и «первоиерархи» обновленцев лжемитрополиты Виталий и Александр Введенские. А возглавивший ВВЦС после Григория (Яцковского) «митрополит» Виссарион (Зорин) был расстрелян. Ежов по этому поводу писал Сталину, что Зорин — «агент гестапо», а «организация, им возглавляемая, ставила своей задачей пропаганду террористических настроений среди верующих с тем, чтобы толкнуть участников на осуществление террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства» [Хаустов, Самуэльсон, 2010, 411].

В период Великой Отечественной войны, когда конфессиональная политика советского государства ощутимо изменилась и вместо прежнего дробления Русской Православной Церкви был взят курс на ее внешнюю консолидацию, остатки обновленцев и григориан были в «добровольно-принудительном» порядке воссоединены с Московским Патриархатом. При этом если немногочисленные сторонники ВВЦС, пережившие «большой террор», в послевоенной церковной жизни заметной роли уже не играли, то о бывших обновленцах такого сказать нельзя. Целый ряд видных раскольников, вынужденно принеших покаяние в 1943–1945 гг., заняли затем и в иерархии Московской Патриархии далеко не последние места, продолжая взаимодействовать с властью в специфически обновленческом ключе (посредством борьбы с «антисоветскими элементами» в Церкви).

Подводя итог, можно констатировать, что при наличии существенного сходства между обновленческим и григорианским расколами (особенно в механизме их возникновения), они заметным образом друг от друга и отличались. На поверхности лежало то, что обновленцы допускали вопиющие нарушения канонических норм (например, осужденное еще апостолом Павлом двоебрачие духовенства — см.: 1 Тим 3:2; Тит 1:6), а григориане от этого демонстративно воздерживались. Но более важным представляется другое. Обновленческий раскол изначально создавался и был для богоборческой власти инструментом уничтожения Церкви изнутри. Григориане тоже использовались ОГПУ для «разложения церковников». Но такими откровенными иудами, как обновленцы, они не были. Нет оснований для канонического оправдания ВВЦС, но определенной моральной реабилитации григориане, как кажется, могли бы быть удостоены, особенно в свете того, что сам их главный обличитель митр. Сергей в 1927 г. принял примерно те же *политические* условия легализации Московской Патриархии, что и годом ранее учредители ВВЦС.

Источники и литература

Источники

1. ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Фонд архивно-следственных дел. Д. Н-3677.
2. ЦА ФСБ. Ф. 2 — Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Ф. 2. Оп. 5. Д. 307.
3. Авво (2014) — «Авво мой родной!» Письма священномученика митрополита Кирилла (Смирнова) преподобномученику архимандриту Неофиту (Осипову) 1933–1934 гг. / Публ. прот. В. Воробьева, свящ. А. Шелкачева, свящ. А. Мазырина, О. И. Хайловой и И. С. Казакова, вступ. ст. и коммент. свящ. А. Мазырина и О. И. Хайловой // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 117–142.
4. Архивы Кремля (1997) — Архивы Кремля. Политбюро и Церкви: 1922–1925 гг.: в 2 кн. / Подгот. изд. Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова. Кн. 1. Новосибирск; М., 1997.
5. Белков (1922) — *Белков Е., свящ.* Предвестники живой церкви // Живая Церковь. 1922. 23 мая. № 2. С. 10–11.
6. Из распоряжений (1922–1923) — Из распоряжений Высшего Церковного Управления // Соборный разум. 1922–1923. 24 дек. — 16 янв. № 2–3. С. 15.
7. Карташев (1906) — *Карташев А.* Близорукость церковников // Страна. 1906. № 183. 11 окт. С. 2.
8. Первый съезд (1922) — Первый Всероссийский Съезд белого духовенства «Живая Церковь» в Москве // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 8.
9. Переворот (1926) — Переворот в тихоновщине // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 8–9 (3–4). С. 9.
10. Постановление (1928) — Постановление 2-го Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви 1923 года // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 7 (30). С. 7–8.
11. Постановления (1922) — Постановления Высшего Церковного Управления // Живая Церковь. 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 19.
12. Православная церковь (1926) — Православная церковь на территории СССР // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 7 (3). С. 2.
13. Совершенно секретно (2001) — «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1: 1922–1923 гг. М., 2001. Ч. 1.
14. Среди церковников (1926) — Среди церковников. У тихоновцев // Известия ЦИК. 1926. 7 янв.
15. Титлинов (1923) — *Титлинов Б. В.* Новая церковь. Пг.; М., 1923.
16. Устав (Киев, 1922) — Устав группы Киевского православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь (Киев). 1922. 1 дек. № 1. С. 3.
17. Устав (Москва, 1922) — Устав группы православного белого духовенства «Живая Церковь» // Живая Церковь (Москва). 1922. 1–15 сент. № 8–9. С. 20.
18. Яцковский (1926) — *Григорий (Яцковский), архиеп.* Документы, относящиеся к образованию Высшего Временного Церковного Совета в Москве. М., 1926.

Литература

19. Кравецкий (2000) — *Кравецкий А. Г.* К предыстории обновленческой смуты (Записка прот. В. Д. Красницкого «О направлении политики советской власти в отношении Православной Церкви») // Ученые записки РПУ. Вып. 6: Церковная история XX века и обновленческая смута. М., 2000. С. 51–72.
20. Крапивин (2013) — *Крапивин М. Ю.* Всеволод Путята в контексте религиозной политики органов ВЧК // Вестник церковной истории. 2013. № 1/2 (29/30). С. 247–311.

21. Лавринов (2016) — *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016.
22. Лавринов (2018) — *Лавринов В., прот.* Временный Высший Церковный Совет и его роль в истории Русской Православной Церкви (1925–1945). М., 2018.
23. Мазырин (2014) — *Мазырин А., свящ.* Последнее дело и смерть «митрополита Московского» Бориса (Рукина): к вопросу о его самоубийстве // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 2 (57). С. 90–97.
24. Мазырин, Кострюков (2017) — *Мазырин А. В., свящ., Кострюков А. А.* Из истории взаимоотношений Русской и Константинопольской Церквей в XX веке. М., 2017.
25. Тригуб (2009) — *Тригуб О.* Розгром Української церковної опозиції в Російській православній церкві (1922–1939 рр.). Миколаїв, 2009.
26. Хаустов, Самуэльсон (2010) — *Хаустов В., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2010.
27. Шкаровский (2000) — *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2000.